

Алексей Шерemet

Алмандер
и другие вещи

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш49

*В оформлении издания использованы работы
Елены Дроздовой по мотивам рисунков из bestiария
начала XIII века (круг Матвея Парижского)*

Шеремет, А.

Ш49 Алмандер и другие вещи. — СПб.: Своё издательство,
2020. — 192 с.

ISBN 978-5-4386-1923-9

Из всех стихий один лишь огонь умеет рождаться и умирать, и за всё время он умирал столько раз, что теперь рождается сразу старым, и по праву старшинства требует, чтоб его укладывали, и расчёсывали, и кормили, и смотрели-смотрели-смотрели, потому как всё, на что никто не смотрит, остаётся ненастоящим.

Помимо заглавной повести, в книгу включены некоторые из рассказов прежних лет, а также неслучившиеся романы и жестянки.

© А. Шеремет, 2020

© Lena Gold, иллюстрации, 2020

Алмандер

*Figliuolin mio caro,
io non ti do per male che tu abbia fatto,
ma solo perchè tu ti ricordi che quella lucertolina,
che tu vedi nel fuoco, si è una salamandra,
quale non s'è mai veduta per altri,
di che ci sia notizia veruna*

Benvenuto Cellini

La Vita

Огарь ногой ворошит камни, потом, чуть покачивая, утверждает посреди них котелок, будто тоже полный серых камней. Достает кусок войлока, мизинцем выщёлкивает мокриц, переворачивает, выщёлкивает мокриц с обратной стороны. Смотрит на просвет – не пропустил ли какую? Солнце вот-вот покажется. Расстилает войлок на багряном, с ночи сыром валуне, садится, не глядя выхватывает серое из серого котелка, кидает в воду. Плюх! – долина вся сразу наполняется светом. Серый не-камень вспыхивает в воде приставшими к ворсинкам ртутными пузырьками, спирально опускается на дно, вкручивается среди камней и сам снова смотрится камнем.

– Огрр-ых-ых! Шом-шом-шом! – за кустом ежевики клацает что-то, гэкает задорным голоском.

– Ты чья, дочка? С паломниками вчера пришла? – Огарь, не сводя взгляда с серебра бурунов, ныряет рукой к котелку – хвать-пок-плюх! Ещё одна спираль, ещё одно серое шевеление на дне.

– Я не дочка тебе! Я дикий зверь! Шом-шом-шом!

– Вон что! – хвать-пок-плюх! – А зовут тебя как, дикий зверь?

– Сам скажи! Не то съем тебя и косточки выплуну!

- Ты рысь?
- Нет!
- Может, ты медведь? – хватъ-пок-плюх!
- Нет, не медведь! Не угадаешь третий раз – насовсем съем тебя!
- А, знаю! Ты – алмандер!
- Что за ещё аль... дыр...
- Алмандер, ну как же! – хватъ-пок-плюх! – В скале живёт, скалу грызёт!
- Ну да, это я. Повезло тебе на этот раз! – маленькое громкое скатывается по глине, маленькое смуглое выцепляет серое из огарева котелка, маленькое чумазое краснощёкое умещается на камне поменьше, шербатым кусает, кривится: фу, неселые! – пок-плюх! – сизым драным боком чертит серое спираль в воде, тянется-рвётся лента красного сока. Огарь, так и не успевший вскочить, обмякает обратно. И что теперь? Идти на осыпь за новыми? Или докидывать эти? Весь ритуал насмарку!

Дражайшій Михаилъ Александровичъ!
Знаю, вы удивитесь, если получите моё письмо. Болѣе того, я и самъ удивлюсь, если вы его получите. По словамъ людей, что приходятъ къ намъ, внизу голодъ, погромы и холера знаетъ что ещё, но я не буду спокоенъ, пока не извинюсь передъ вами, и потому спѣшу вѣрить, что и вы благополучны и что письмо моё благополучно до васъ доберётся. Сперва примите малое извиненіе за дрянную бумагу, на какой я принуждёнъ писать, лучше здѣсь не найти, и хуже тоже не найти, тутъ нѣтъ ни клочка, и всѣ лишь разводять руками, а когда я было отправился за двадцать вёрстъ въ ближайшее селеніе, вышло и того хуже, заслышавъ о бумагѣ, всякій непременно рѣшалъ, будто я провѣряю документы, коихъ у нихъ по-всему никогда и не было, а когда я пытался объяснить, что мнѣ нужно для писемъ, они пугались всерьёзъ, придумавъ, будто я запишу ихъ самихъ, а отъ такихъ записей добра здѣсь не ждуть, и пытаются даже всякій разъ отъ меня откупиться. Такъ-что вѣсь мой невеликій запасъ со мною съ самага Вѣрнаго, да и тотъ достался мнѣ по дурному случаю, чайный торговецъ отчего-то придумалъ завернуть плитку чаю чуть не въ семьдесятъ слоёвъ, помню, какъ тогда злился на него,

что онъ продаётъ мнѣ бумагу по цѣнѣ чаю. Такъ сей-часъ вспоминаю его съ благодарностью, и готовъ купить ещё бумаги по цѣнѣ хоть-бы и золота, но нѣтъ, нѣтъ вовсе.

Великое же извиненіе посылаю вамъ за то, что такъ зло покинулъ васъ, даже не простившись, и что вышло то не изъ-за спѣшки, а изъ пустой и глупой обиды. Хорошо, если-бы вы не замѣтили, но, думаю, не замѣтить того вы не могли, я былъ тогда изрядно противъ васъ настроенъ за то, что, какъ мнѣ казалось, вы не желали меня лѣчить и вмѣсто ожидаемыхъ микстуръ прописали мнѣ горный воздухъ, что при нашемъ расположеніи посреди гладкой, какъ билліардъ, степи, я не смогъ тогда воспринять иначе, чѣмъ какъ глупую шутку надъ умирающимъ, какимъ я тогда себя отчотливо мнилъ. Однако именно этѣ ваши слова подвигли меня написать рапортъ о переводѣ на Кавказъ, и, какъ я сей-часъ вижу, именно этѣ ваши слова единственная причина того, что я до сихъ-поръ по-прежнему живъ, живъ въ мѣстѣ, гдѣ въ горномъ воздухѣ не наблюдается никакого недостатку, и черезъ то могу и долженъ теперь просить вашего мнѣ извиненія.

Съ почтеніемъ, вашъ Яковъ О.

Михаиль Александровичъ, здравствуйте! Въ три дни не смогъ я отыскать никого, кто отправлялся-бы внизъ, какъ у нихъ тутъ это называется, и притомъ согласился-бы доставить моё письмо до почты. Самъ-же я, начавъ съ вами мысленно бесѣдовать, понялъ, что не могу прерваться и что долженъ передать ещё и то, и это, и что рассказы, что накопились за мои скитанія, зудятъ и требуютъ себѣ слова. Такъ-что придумалъ я писать и вкладывать новыя письма къ вамъ въ тотъ-же конвертъ, который какъ-разъ вышелъ у меня съ запасомъ. Буду ихъ отнынѣ нумеровать.

Итакъ, минула недѣля примѣрно съ нашего разговора, какъ меня потребовалъ къ себѣ Гродищевъ, и, предъявивъ мой-же рапортъ, освѣдомился съ видомъ весьма глумливымъ, не одумался-ли я и не пошла-ли моя Марфуша на попятный, богъ ужъ ему судья, что тамъ за Марфушу онъ себѣ возомнилъ. Я не сталъ перечить и отвѣчалъ въ томъ духѣ, что, молъ, никакъ нѣтъ, прошеніе моё въ полной силѣ. Онъ уточнилъ, взаправду-ли мнѣ желателенъ непременно Кавказъ, или сгодится что-нибудь позаурядней, навродѣ войны съ нѣмцемъ, гдѣ меня куда какъ вѣрнѣе убьютъ, на что я, пуча глаза и сверкая на него своимъ Геор-

гіемъ, затынулъ своё, что, молъ, нѣмцы какъ ни тужились, а одолѣть меня не смогли, и что теперь я готовъ хоть чорту въ пасть, лишь-бы тамъ въ виду имѣлись горы. Ну такъ и отправляйся, сказалъ онъ тутъ, въ Семиречье къ Бесселю, разъ ты такой малохольный, отвезёшь заоднимъ кой-какіе бумаги, а ужъ онъ найдётъ куда тебя приставить, у него по нынѣшнимъ временамъ каждый вѣрный на счету, не посмотритъ, что ты дуракъ. Наутро выправили мнѣ требованіе на желѣзную дорогу, и я, съ вами не простившись и тѣмъ полностью подтвердивъ званіе дурака, отправился въ края, о которыхъ имѣлъ представленіе самое смутное. Не лучшее представленіе, какъ вскорѣ обнаружилось, имѣлъ я и о томъ, что нынче творится въ свѣтѣ, пусть слухи и разговоры до нашего мѣстечка и добирались, но я былъ настолько увлечонъ своею, какъ я считалъ, скорой и неминуемой гибелью, что всё остальное вызывало во мнѣ мало интереса и сочувствія.

Въ дорогѣ-же я невольно напитался настроеніями случайныхъ своихъ попутчиковъ, и, понаслушавшись о томъ, что за броженія и беззаконія повсемѣстно творятся у насъ подъ-бокомъ, впервые задумался и о томъ, что за лихо дожидается меня въ краяхъ изначально дикихъ. Долго гадать не пришлось, разъ ужъ на третьи сутки меня ссадили съ поѣзда.

Сказать по-справедливости, ссадили не меня одного. Еще на подѣздѣ къ Самарѣ мы и по дѣлу и безъ дѣла останавливались, послѣ долго стояли въ самой Самарѣ, и, отѣхавъ всего-ничего, встали окончательно. Было объявлено, что заговорщи-

ки разобрали пути, и поѣздъ теперь пойдѣтъ на Сургуть, а кому надо въ Уфу, тѣмъ должно перейти къ возницамъ-башкирамъ, что недалече ожидаютъ. Во мнѣ тутъ-же явились сомнѣнія какъ въ подорожномъ возмѣщеніи, такъ и, во-первую голову, въ надѣжности предъявленныхъ возницъ. Но я всё-же дошолъ до нихъ и попытался вывѣдать, что теперь творится на дорогахъ. Въ Бузулуке буза, въ Погромске погромы, а дальше и того веселѣе, отвѣчали они съ недобрымъ задоромъ, чѣмъ окончательно увѣрили меня, что сами-то они заговорщики и есть, и притомъ въ сговорѣ съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ. Взъярившись, я отыскалъ главного по станціи, и съ порога выпалилъ ему, что у меня срочный пакетъ для самого Бесселя, и что это они удумали съ Уфюю, и что-ужъ я не премину и т.п. Да развѣ-же Бессель сей-часъ въ Семипалатинскѣ, сбиль меня съ хода начальникъ, милѣйшій, какъ я вскорости разглядѣлъ, старичокъ. Нѣтъ, долженъ быть въ Вѣрномъ, отвѣчалъ я въ смущеніи. Ну такъ поздравляю васъ, юноша, вы ѣдете не въ ту сторону, сказалъ онъ мнѣ, окончательно меня спутавъ. Не давъ мнѣ опамятоваться, онъ почтительно принялъ меня подъ руку и со смѣхомъ препроводилъ къ картѣ, что висѣла на стѣнѣ, и по картѣ выходило, что мнѣ короче ѣхать другимъ путѣмъ. Я сей-часъ выпишу вамъ разовый на ташкентскій, сказалъ онъ, причомъ у него выговаривалось вмѣсто разовый розовый, сойдѣте въ Арыси, а тамъ рукою подать. И черезъ два часа я уже ѣхалъ на другомъ поѣздѣ въ другую сторону, дивясь такой перемѣнѣ.

- Зачем тебе палка, Огарь?
Огарь делано вскидывается:
– Уф, напугала! Чуть палец себе не отхватил! Совсем что ли дикая, так подкрадываться?
- Ага, совсем! – довольная, лучится: – Ну, зачем?
- Да повадился ко мне тут один старичок неприметный по ночам шастать, вот такой, – Огарь кончиком ножа скользит по набалдашнику, показывает: – Нос как стручок, глаза с пяточок, уши до плеч, за поясом плеть...
- Где, где плеть? – тянется.
- Плеть я не успел ещё. Вот тут будет.
- И что он?
- И принимается он меня той плетью охаживать: шибанёт по ноге – отыметя нога, шибанёт по руке – отыметя рука!
- А ты что?
- А что я? Я-то сплю и не вижу ничего, только наутро всё тело будто занемелое, еле встать могу.
- Ух ты! А давай я на ночь у тебя останусь? Ты спать ложись, а я спрячусь, а как он придёт – выскочу да его напугаю!
- Не, так с ним не справишься!
- А как?

– А вот как... доделаю я палку, поставлю у входа. Он за порог глянет – да и решит, что уже пришёл, и заходить не станет.

Сидит, качает ногой. Медленнее. Медленнее. Поджимает губы:

– Врёшь ты всё. Никакой не старик ходит к тебе.

– А кто же тогда?

– Мокоша хромая ходит к тебе, все знают. Ты и палку для неё вырезал. Вот вы ночью так любите, что ты утром встать не можешь.

Нож соскальзывает, Огарь прячет палец во рту. На губах деревянного старичка взблёскивает пунцовая бисеринка, будто язык показался. Язык изгибается, прячется, всё, нет его, только губы теперь не такие бледные, как были.

Почему я считаю, Михаилъ Александровичъ, что вы благополучны, такъ это оттого, что умѣніе ваше, въ отличіе отъ многихъ другихъ, да хотъ-бы и моего, кажется мнѣ востребованнымъ при любомъ поворотѣ дѣлъ. Но есть, думаю, и обратная сторона, и это то, что всѣ идутъ къ вамъ со своими болячками, какихъ сей-часъ только прибывать будетъ, а поправившись того не дѣлаютъ. Вотъ и я. Куда годится! Дозвольте исправиться. Кашель мой, который такъ сводилъ меня съ ума и которымъ я такъ всѣмъ досаждалъ, совершенно прошолъ, развѣ что иной разъ есть небольшая боль въ серединѣ груди. Вовсе не чувствую себя больнымъ теперь. Однако, назвавшись здоровымъ, я тутъ-же принуждѣнъ буду сознаться въ нѣкоторыхъ давнихъ обстоятельствахъ своего здоровья, о какихъ вы еще не слышали. Не то что мнѣ такъ не терпится снова обезпокоить васъ, не подумайте, но дальнѣйшій мой разсказъ не будетъ возможенъ безъ честнаго ихъ признанія. Дѣло въ томъ, что у меня случаются видѣнія. Я никому стараюсь не говорить, слава скаженнаго и безъ того вѣчно подлѣ меня, вы того не знать не можете. Самъ-то я отъ нихъ никакого убытка не имѣю, и даже, какъ только поступилъ на службу, устраивалъ

за деньги месмерическій телеграфъ, какъ я придумалъ тогда это называть, за десять копеекъ серебромъ бралъ въ руку карточку и говорилъ, что теперь тотъ человѣкъ дѣлаетъ. Никто особо для виду не вѣрилъ, всѣ другъ-друга подначивали и посмѣивались, но всѣ при-этомъ у меня перебивали, да и не по одному разу. Выходило на кругъ даже поболее жалованія, но я это дѣло тутъ-же оставилъ, когда заявился ко мнѣ Муса кривой, и мнѣ вдругъ поместилось, словно его невѣста угорѣла насмерть со всею семьёю. Я тогда вернулъ Мусе его гривенникъ и сказалъ только, что ничего не увидѣлъ и что телеграфъ закрывается. Обрывъ на линіи. Упокой Господи ея душу.

А такъ-то началось оно со мною давно, еще въ дѣтствѣ, я много хворалъ лѣтъ четырёхъ, лежалъ безъ дѣла на полати, глядѣлъ на пологъ и представлялъ въ нёмъ цѣлыя сраженія, съ конницею и артиллеріей. Оговтавшись къ осени, я пошолъ было по грибы, и увидѣлъ вдругъ вмѣсто вѣтки на тропѣ змѣю, черную гадюку. Причѣмъ я разомъ видѣлъ и вѣтку, сырую, съ мохомъ, и змѣю съ чешуёю и глазами, и вѣтка лежала, а змѣя ползла, и всё это было одно и то-же и въ одномъ мѣстѣ. Ухъ, до чего я тогда испугался! Въ слезахъ прибѣжалъ додому, но ко времени сноровился, что всѣ вещи и люди тоже порою представляются мнѣ чѣмъ-то инымъ, и скоро я пріучился совершенно не бояться и, когда удавалось вспомнить, нарочно старался перетворить всё страшное и непріятное во что-то другое. Я и съ вами такъ дѣлалъ. Простите ужъ меня-дурака.

Здравствуйте, Михаилъ Александровичъ, и теперь, когда я вамъ открылся, могу я продолжить безъ помѣхъ рассказъ о своей одиссеѣ, правда не подумайте, что явятся въ ней гиганты-циклопы и т.п., помѣшательство моё, по счастью или нѣтъ, имѣеть размѣры не въ примѣръ скромные.

Итакъ, я ѣхалъ въ ташкентскомъ поѣздѣ, и поѣздъ этотъ, пусть и грязноватый и пропахшій кислымъ пловомъ, бѣжалъ куда какъ живѣе прежняго, рельсы въ тёплыхъ краяхъ разбирать никому и на умъ не приходило, и отъ расписанія мы не отставали, а даже начали нѣсколько забѣгать впередъ, такъ-что въ Арыси я очутился посреди ночи. Дёрнулъ двери вокзала, заперто. Прошолъ туда и сюда, огней нигдѣ нѣтъ, а какъ отчалилъ привезшій меня поѣздъ, не осталось въ округѣ и никакихъ шевеленій, однѣ только пятна отъ пара на платформѣ подсыхали и сдавались краями. И ни собакъ, ни даже сверчковъ, будто не тихая луна надо мною свѣтитъ, а самъ я перенёсся какимъ-то колдовствомъ на тихую луну, и прихватилъ съ собою по недосмотру прогонъ блестящихъ рельсовъ, бѣлѣный вокзалъ да дровяной навѣсъ, всё безцвѣтное и оттого неземное. Вотъ подъ тѣмъ навѣсомъ, прямо на полѣнницѣ, я и расквартировался на

ночь, разсудивъ, что другой кровли мнѣ искать не свѣтъ. Я, казалось, и не спалъ, всё разглядывалъ звѣзды, будто впервые на нихъ смотрю, да луна всякій разъ отчего-то скакала на новое мѣсто, стоило мнѣ сморгнуть, а потомъ, къ досадѣ, вмѣсто луны оказалась мохнатая шапка сморщенного татарина, который тыкалъ меня своею клюкою да вопрошалъ, отчего я не говорю по-русски, когда спрашиваютъ. Не вмигъ, но уже готовъ былъ я объясниться, какъ вдругъ увидѣлъ то, чего не видѣлъ ночью, когда пріѣхалъ, и снова забылъ всю рѣчь. Горы. Настоящія горы, какихъ я и помыслить не смѣлъ.

Да знаете-ли вы, какіе горы. Когда въ утренней дымкѣ, такой, что основаніе ихъ совершенно скрадывается, и оттого вершины кажутся не вершинами, а грядой облаковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что нѣтъ ничего твёрже и прочнѣе, и старше, и долговременней. Надо быть поэтомъ, чтобы вѣрно ихъ описать, только я не умѣю. Зато я умѣю, какъ стало мнѣ понятно, ихъ почувствовать, и съ тѣмъ почувствовать своё неумѣніе, и на томъ сокрушиться.

А угадаете-ли, что я сдѣлалъ первымъ дѣломъ, скатившись съ полѣнницы и отогнавъ докучливого татарина. Я вдохнулъ во всю грудь, и представилъ, какъ воздухъ съ самыхъ вершинъ входитъ въ меня, и всё нутро у меня отозвалось, загудѣло отъ копчика до макушки, такъ-что я, совсѣмъ не ожидая такого дѣйствія, тутъ-же далъ себѣ зарокъ не усердствовать и привыкать къ настоящему помалу.

*конец
ознакомительного фрагмента
далее: <http://lumenaddict.com>*